

Богова Елена Михайловна родилась в городе Березники, Пермский край. В 2005 году окончила УрГЭУ (БФ). Образование высшее экономическое, второе - педагогическое. Работала менеджером, директором магазина, мастером производственного обучения в ГБПОУ «БТПТ», преподавателем АНО ДПО. В 2022 году прошла обучение на литературном курсе Ягодинцевой Н.А. (ФГБОУВО «Челябинский государственный институт культуры», г. Челябинск). Публиковалась в городских газетах и коллективных литературных сборниках.

Елена Богова
г. Березники

Выдох

Этот замкнутый мир, как выдох –
перегаром чадит маршрутка.

Я решила, что это шутка:
среди жирных, больных и сытых

поцелуй – как привет вселенной.

Мир – утопия, спам и мусор.

Кто-то здесь позабыл Иисуса –
Лики только на гобеленах.

Если вся слепота от Бога –
выхлоп, крик и разрыв шаблонов, –
мне бы выйти у Авалона,
подышать придорожным смогом,

подождать не наземный транспорт,
а такой, чтобы не вернуться.
Боже правый, храни безумцев,
психопатов и прочих трансов

от распятыя, увечья, комы,
от того, что для них опасно –
от дождей, наводнений, громов,
неприятностей экстра-класса.

Запирай, не давай вернуться –
их молитвами дышит сытый.
Их сливают в одно корыто
и разводят по тридцать унций.

Этот замкнутый мир как выдох.
Я давно надышалась смогом
и прибилась к тому порогу,
где безумцы увозят сытых.

***

Как обмелевшая река
я оставляю берега.
И лишь предчувствие беды
меняет бурный плеск воды.

Началом наших бурных рек
всегда бывает человек.
Дожди, порывы, ветер, зной
сначала пахнут новизной,

затем теряют аромат.
Привычка – это тот формат,
когда проходит интерес.
И что там дальше неизвест-

но каждый день я жду потоп,
в котором кто-нибудь утоп;
промок насквозь, пропах навзрыд.
На дне он, словно клад, зарыт.

Но каждый новый шум и гам
так бьёт по нервам-берегам,
что помышляешь обмелеть.
И до скончания столеть-

я – обмелевшая река,
и отступают берега...

***

Мы, конечно, умрём счастливыми,
потому что здесь всё закончено.
Ночь опустится над заливами
и надолго нам станет вотчиной.

Мы проснёмся однажды пумами.
День поднимется над заливами.
Оттого, что всё так задумано,
дождь рыдает вдали меж ивами.

***

Зачем испытывать судьбу?
Нам не достичь – Нирваны, дзена...
Не можешь жить – хотя бы будь
за призрачной открытой сценой.

Не говори, молчи и стой –
Я пребываю в напряженье:
доступно множество частот,
но связь проходит с искаженьем.

Зачем испытывать меня?
Нам не достигнуть понимания.
Ты постоял, затем обнял –
и растворился в мироздании.

***

Утонуть бы в поспевшей ржи
и залечь бы потом на сене –
Но не так я умею жить
и писать, как писал Есенин.

Не умею ловить мурен
и летать над гнездом кукушки.
Чем с годами сильнее крен,
тем активней стреляет Пушкин

в правом ухе. Прибой. Старик
собирает с собой припасы.
Я мечтаю. Мечта сгорит
на костре; как контрольный, к часу

просыпается Лев Толстой,
начинает писать талмуды...
В общем, этот рецепт простой,
я его разглашать не буду.

***

Как всё становится ничем?
Объект теряет смысл и фокус.
Луна – естественное око;
сквозь призму раненных ночей

она взирает свысока
без слёз, без слов и без осадков.
И потому так сладко-гадко –
рудиментарная тоска.

Здесь всё становится ничем
на стыке вечного с сезонным.
Вороны ходят по газонам
и выгоняют прочь грачей.

***

Вдруг с неба потянуло октябрём –
Природа как открытая арена.
Ты неизвестно как сюда забрёл,
шагая одиноко и смиренно

под тихий гул раздетых тополей
в преддверии кровавого рассвета.
Не можешь сам гореть – тихонько тлей,
как на ветру июньском сигарета.

Колючая холодная крупа
рассыпалась внезапно по асфальту.
Замёрз и пожелтел, но не упал
листок, предсмертно затянувший сальто.

Ещё один рассвет – и будет лёд;
Так всё вокруг – смотри! – заоктябрело...
Пусть небо поливает – и плюёт
на то, что этим летом не сгорело.

***

Город ищет во мне провал: в сердце, в мыслях,
в глазницах-бурах.

Этот город меня взорвал, серо-облачный, грязно-хмурый.
В нём самом – только плешь да брешь
от патронов больших калибров.

Раньше город, теперь – манеж,
где руда застывает в фибрах.

Решето и морская сеть. Здесь кусочки калийной соли
продолжают во мне висеть, чтобы я умерла от болей,
от ударов в живот и грудь. Я пробита, корабль тонет,
выпуская по волнам ртуть, приближая конец агонии.

Этот город – такой, как все: ищет впадины и каналы,
продолжая внутри висеть моим самым большим провалом.